

Труслива дерзость их, а слабая рука
 Прикончить связанных не в силах, столь робка,
 По воле короля наперекор закону
 820 Убийцы режут тех, в чьем сердце верность трону.

Плут коронованный, вершитель безобразий,
 Сенаторов страны вовлек в пучину грязи;
 Коль изгнанный богат, прибрать его доход,
 Ведь недурная месть: сказать, мол, гугенот.
 825 Судам томительным, увы, не видно края:
 Тут к смерти матери причастна дочь родная,
 Там брата брат извел, а некий лиходей
 Предал двоюродного в руки палачей,
 Здесь дружбы чахлые, да и знакомства кратки,
 830 Здесь воля добрая — подвохи да оглядки.

Из рая наш Катон простер свой взор⁶¹, потом
 С улыбкой кроткою нам показал перстом,
 Куда он был пронзен, как был остервенело
 Изрублен: голову послали в Рим, а тело
 835 Ничтожной шушере досталось на позор,
 О чем потом шумел охочий к сплетням двор.
 Судебный колокол, гудевший в час разбора⁶²,
 Зовет грабителей, зовет на дело вора,
 Теперь в Дворце Суда закон не ко двору,
 840 Штандарт малиновый трепещет на ветру⁶³.
 Нет, это не война. Там грудь броней прикрыта,
 Там сталь поверх одежд — надежная защита,
 Здесь отбиваются лишь криком да рукой,
 Один вооружен, но обнажен другой.